

УДК 811.161.1

*К.Я. Сигал***РУССКИЙ ПРОТИВИТЕЛЬНЫЙ СОЮЗ «ЗАТО» И АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ М.А. ШОЛОХОВА)¹**

Статья посвящена русскому противительному союзу «зато» как аксиологическому маркеру и его стилистически значимому употреблению в романах М.А. Шолохова «Тихий Дон» и «Поднятая целина». В статье также выдвигается понятие «аксиологическая стилистика». Отмечается, что аксиологическая стилистика описывает приемы, которые способствуют участию оценочных языковых единиц в выражении тех или иных экспрессивных заданий. Показано, что в романах М.А. Шолохова «Тихий Дон» и «Поднятая целина» противительный союз «зато» употребляется как многозначное служебное слово, причем наиболее продуктивная семантика возмещения связана с переключением оценки как от «—» к «+», так и от «+» к «—», хотя преобладает первая оценочная модель. Только на основе семантики возмещения противительный союз «зато» участвует в создании шести приемов аксиологической стилистики.

Ключевые слова: противительный союз, аксиологическая стилистика, возмещение, оценка, идиостиль М.А. Шолохова.

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-2-212-220

Как известно, лингвоаксиология является одним из аспектных направлений когнитивно-прагматического подхода к языку, призванным раскрывать механизмы включения ценностно-оценочного компонента в семантику высказывания. В центре внимания лингвоаксиологии оказались преимущественно полнознаментальные слова, обозначающие ценности и оценки. Между тем необходимо отметить, что на службе аксиологии находятся и служебные слова. По сути дела, об этом напоминают С. Чанг и Дж. Пеннебейкер, которые пишут, что «служебные слова... несут в себе множество психологических смыслов и задают тон социального общения» [19, с. 355]. Утверждая, что «весь язык буквально утопает в оценочной семантике», Н.Н. Холодов особо отмечает, что служебные слова и, в частности, «сочинительные союзы небезразличны к оценочным значениям» [16, с. 70–71]. Действительно, сочинительные союзы «втягивают» в сферу аксиологии как синтаксические структуры, так и текстовые образования, которые способны обеспечить представлениям субъекта речи о должном (т.е. ценностям) и его положительному / отрицательному отношению в связи с этим к сообщаемой информации (т.е. оценкам) полноту объективации. Представляется, что хотя «оценка затрагивает самые разные стороны языковой системы» [7, с. 207], исчерпывающее выражение аксиологической настрой говорящего получает в синтаксисе речи [11].

Благодаря синтаксическим исследованиям в области лингвоаксиологии удалось установить, что аксиологическая функция сочинительных союзов определяется их грамматической семантикой. В частности, оппозиция соединительных (типа *и*) и противительных (типа *но*) союзов в аксиологической плоскости проявляется в том, что первые обеспечивают тождество аксиологического знака в связываемых компонентах, а вторые — переход к противоположному аксиологическому знаку [16, с. 73]. Ср., с одной стороны: *Ребенок добрый и смелый* («+» и «+»), *Ребенок злой и вредный* («—» и «—») и, с другой стороны: *Ребенок смелый, но вредный* (от «+» к «—»), *Ребенок вредный, но умный* (от «—» к «+»). Крайне важным для лингвоаксиологии является разграничение сочинительных союзов на константы и переключатели, поскольку здесь ставится задача описать «специальные средства для ориентации текста в пределах одной оценочной зоны или для ее изменения» [6, с. 104]. Однако если сочинительные союзы-константы (прежде всего — *и*) получили вполне определенное осмысле-

¹ Работа выполнена по гранту РФФИ № 19-012-00609\19 «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода» в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина.

ние в рамках лингвоаксиологии [10], то сочинительные союзы-переключатели (*но* и особенно его синонимы) еще нуждаются в подобном осмыслении. Так, например, одним из недостаточно исследованных, в том числе в аксиологическом аспекте, сочинительных союзов-переключателей является противительный союз *зато* (ср., однако, [2; 12] и особенно [4]).

Обычно у противительного союза *зато* находят модально-оценочное значение, отмечают семантику компенсации (или возмещения) и способность к переключению оценки. Однако, согласно лексикографическим данным, во второй половине XX в. союз *зато* перешел от полисемии [14, с. 990] к моносемии [15, с. 128], потеряв этимологическое для него значение следствия, причинного обоснования. Кроме того, среди специалистов по семасиологии противительных союзов нет единства в понимании того, как союз *зато* переключает оценку: в обе стороны (т.е. от «—» к «+» и от «+» к «—»), подобно союзу *но*, или в одну сторону — положительную. Любопытно отметить, что современные исследователи, имеющие дело с неодинаковыми речевыми выборками, приходят к разному пониманию «переключательной» способности союза *зато*. Так, если Д.И. Ишханова делает вывод о том, что союз *зато* «участвует в установлении положительного / отрицательного отношения к описываемым событиям или отдельным элементам» [8, с. 87], то, согласно М.С. Миловановой, «значение положительной оценки слова *зато* можно считать сформированным и постоянным» [9, с. 179]. Как кажется, обе тенденции — к моносемизации союза *зато* и к специализации его как показателя положительной оценки — возникли потому, что союз *зато* постепенно стабилизировался как мелиоративный аксиологический маркер. В результате этого семантического процесса союз *зато* становился все более востребованным стилистическим средством, позволяющим писателю или публицисту включаться в игру с оценочными перспективами и делать повествование аксиологически многослойным.

Наблюдения над художественной речью великого русского писателя XX в., лауреата Нобелевской премии по литературе М.А. Шолохова показывают, что для противительного союза *зато* характерны, с одной стороны, полисемия и переключение оценки в обе стороны, а с другой стороны, стилистически разнообразное использование именно при выражении оценочной семантики. Целью статьи является семантическое описание противительного союза *зато* в романах М.А. Шолохова «Тихий Дон» (1925–1940) и «Поднятая целина» (1932–1960) и обнаружение приемов аксиологической стилистики, связанных с выполнением благодаря употреблению противительного союза *зато* тех или иных экспрессивных заданий. Такой выбор речевого материала обусловлен тем, что, будучи малоупотребительным [2, с. 14], противительный союз *зато* довольно часто встречается в названных романах М.А. Шолохова: в «Тихом Доне» (далее — «ТД») — 18, в «Поднятой целине» (далее — «ПЦ») — 16 раз. Противительный союз *зато* используется писателем в разных синтаксических условиях: для связи словоформ (в рядах однородных членов предложения), предикативных конструкций (в сложносочиненных предложениях), самостоятельных предложений в тексте; в разных текстовых условиях: в авторском повествовании и в диалогических репликах персонажей. М.А. Шолохов применяет противительный союз *зато* как таковой (преобладающий тип употребления), в составе стилистического варианта — союзного двучлена *но зато*, в расчлененных союзных образованиях типа *хоть...но зато*. Обращение к двум шолоховским романам вызвано еще и тем, что, как подчеркивал Р.А. Будагов, «в художественном произведении большого писателя функция отдельных слов никогда не сходит на нет не только в системе одного предложения, но и в системе целого повествования» [3, с. 99]. Очевидно, что это тонкое замечание вполне относится как к полнозначительным, так и к служебным словам, в том числе к сочинительным союзам. Полагаем, что наблюдения над тем, как и для выполнения каких экспрессивных заданий у М.А. Шолохова употребляется противительный союз *зато*, могут быть полезными для нужд аксиологической стилистики.

Аксиологическая стилистика призвана обобщать опыт экспрессивно маркированного использования единиц языка, связанных с выражением ценностно-оценочного компонента в семантике высказывания. Для аксиологической стилистики представляет интерес не любое слово, включенное в сферу оценочной сигнификации, но только такое, которое употреблено в конкретном высказывании для выполнения того или иного экспрессивного задания, приводящего к созданию стилистического приема. Потребность в аксиологической стилистике заложена в семантической установке оценочных знаков, в которых субъективность и опосредованная связь с эмоционально-чувственной сферой человека побуждает к развитию мощного экспрессивного потенциала. Как писала Т.Г. Винокур, «оценочное значение единицы языка само по себе (т.е. обозначение явлений действительности, имеющих положительные или отрицательные признаки) не является стилистическим... И в то же время некая общ-

ность акта оценки (в его социально-психологическом смысле) с миром переживаний и чувств человека несомненна» [5, с. 60]. На основе приемов аксиологической стилистики выполняются экспрессивные задания, связанные с подчеркиванием оценки, со «сгущением» оценочных знаков, с динамикой оценок и т.д. Такие экспрессивные задания формируются в субъективном мире говорящего, но они всегда обусловлены социальными по своей природе ценностными представлениями. На объективно-социальном фоне ценностных представлений приемы аксиологической стилистики получают свою прагматическую убедительность в речи. Прием аксиологической стилистики является особой речевой композицией, которая в целом осуществляет экспрессивизацию оценочного смысла, т.е. намеренное подчеркивание средства выражения оценки. Однако для аксиологической стилистики характерны целые «гроздь» приемов, образованных на основе одного и того же оценочного средства, например, на основе противительного союза *зато*. Такие средства являются структурной доминантой стилистического приема, но их аксиологическая функция и характер экспрессивного употребления определяются семантикой всей речевой композиции, составляющей стилистический прием. По-видимому, на этот момент (но не в стилистическом, а в общеязыковом плане) обращала внимание Е.М. Вольф, согласно которой «оценочная модальность определяется высказыванием в целом, а не отдельными его составляющими, и является компонентом высказывания» [7, с. 11].

Семантический анализ употреблений противительного союза *зато* в романах М.А. Шолохова «ТД» и «ПЦ» показывает, что этот союз выступает как полисемичный: в его семантической структуре имеется, по меньшей мере, три значения. В 1-м значении противительный союз *зато* тесно смыкается с выражением оценки (вернее, ее переключения), во 2-м — допускает оттенок такого оценочного значения, в 3-м — никак не связан с переключением оценки. От 1-го значения к 3-му союз *зато* теряет не только способность быть оценочным знаком, но и вообще обозначать противительные отношения. Необходимость взаимосвязи противительности и способности к переключению оценки подтверждается тем, что у М.А. Шолохова только в 1-м значении противительный союз *зато* включается в выполнение экспрессивных заданий и — тем самым — в создание приемов аксиологической стилистики. Отметим также, что от 1-го значения к 3-му союз *зато* становится менее продуктивным. Перейдем теперь к описанию значений союза *зато*, сопровождая каждое из них прецедентами употребления, показателями симптоматической статистики и семантическими комментариями.

1-е значение союза *зато* — компенсация (или возместительность), связанная с переключением оценки от одного признака к другому или от одной предикации к другой. Н.Д. Арутюнова называет употребление союза *зато* в 1-м значении «возмещающей конъюнкцией» [1, с. 219]. Для М.А. Шолохова (и, по-видимому, для речевого узуса первой половины XX в.) 1-е значение союза *зато* никак не ограничено переключением оценки в какую-то одну сторону. В романах «ТД» и «ПЦ» союз *зато* обозначает возмещение с переключением оценки как от «—» к «+» (собственно возмещение), так и от «+» к «—» (квазивозмещение). Ср., с одной стороны: *Шли они (казаки. — К.С.) невеселые, но зато сытые, обстиранные* («ТД», кн. 3, ч. 6, гл. XLVI) [18, с. 907]; *Нож был старенький, сточенный, но зато боковые перламутровые пластинки его тускло сияли на солнце* («ПЦ», кн. 2, гл. XVII) [17, с. 491], а с другой стороны: *Со стариками Мишка кое-как договорился, но зато дома, и опять-таки из-за соли, вышел у него с Дуняшкой крупный разговор* («ТД», кн. 4, ч. 8, гл. V) [18, с. 1315]; *Каждую косилку Давыдов осматривал тщательно и подолгу. Но как ни придирчив был его осмотр, изъянов в ремонте он не нашел, за исключением двух-трех мелких недоделок. Зато не на шутку разобидел старого кузнеца* («ПЦ», кн. 2, гл. X) [17, с. 410]. В обоих романах М.А. Шолохова 1-е значение союза *зато* охватывает приблизительно две трети употреблений, но если в «ТД» переключение оценки в обе стороны представлено почти в равной мере, то в «ПЦ» преобладает переключение оценки в одну сторону — положительную. Это изменение обусловлено тем, что «общая уравнивающая направленность» союза *зато* «делает естественным его употребление после отрицания» [1, с. 222]. Важно отметить, что у М.А. Шолохова переключение оценки от «+» к «—» при союзе *зато* почти никогда не связано с «передачей авторской иронии и самоиронии» [9, с. 178], что характерно для художественной речи более позднего времени.

2-е значение союза *зато* — сопоставительно-противительное (синоним — союз *а*). В романах «ТД» и «ПЦ» почти одна треть употреблений союза *зато* относится ко 2-му значению. Синтаксическим построениям с союзом *зато*, выражающим сопоставительно-противительные отношения, свойствен параллелизм строения, вычлняющий центры сопоставления и центры противопоставления. Ср.: *Лишь со склонов балок суглинистыми глазищами глядит на мир земля; снег не задержался там,*

сдуваемый ветром, **зато** теклины балок и логов доверху завалены плотно осевшими сугробами («ПЦ», кн. 1, гл. II) [17, с. 12]. Иногда у М.А. Шолохова во 2-м значении союз *зато* употребляется синкретично, приобретая контекстуальный оттенок возместительно-оценочного значения (в том числе с неочевидной оценочной перспективой). Ср.: *Пусть для них* (для соседей. — К.С.) *сегодня — будни, зато для нее* (для Аксины. — К.С.) — *праздник* («ТД», кн. 4, ч. 8, гл. VIII) [18, с. 1347] и *Казаки смотрели в землю и угрюмо молчали, зато бабы давали волю языкам* («ТД», кн. 4, ч. 8, гл. XII) [18, с. 1379].

3-е значение союза *зато* — следствие, причинное обоснование (синонимы — *поэтому, по этой причине*). 3-е значение является для союза *зато* этимологическим, так как генезис союза связан с предложно-местоименным сочетанием *за то*, претерпевшим стяжение и семантико-грамматическое переосмысление. В становлении противительного союза *зато* отразился вполне типичный для разных языков переход от обозначения причины к противительности (ср., в частности, [20], где описана семантическая эволюция итальянского союза *però* 'но'). Ван Лиган сообщает о том, что «в языковых источниках XX в. *зато* причинно-следственного значения не обнаружен» [4, с. 5]. Однако у М.А. Шолохова 3-е значение союза *зато*, ставшее архаичным, все же встречается в романе «ТД», но только единожды. Ср.: *Жил Митька птичьей, бездумной жизнью: жив нынче — хорошо, а на завтра — само дело укажет. Служил он с прохладцей и, несмотря на то, что бесстрашное сердце гоняло его кровь, не особенно искал возможности выслужиться — зато послушной список Митьки являл некоторое неблагополучие* (кн. 2, ч. 4, гл. VI) [18, с. 401]. В 3-м значении союз *зато* не способен переключать оценку, так как причина и следствие находятся в одной оценочной плоскости.

Наблюдения над романами М.А. Шолохова «ТД» и «ПЦ» свидетельствуют о том, что 1-е значение союза *зато* представляет собой наиболее предпочтительный семантический субстрат для аксиологической стилистики: только в 1-м значении *зато* является продуктивным сочинительным союзом-переключателем, побуждающим писателя включать его в выполнение тех экспрессивных заданий, для которых существенно указание на оценочную перспективу. Отнюдь не случайно Е.М. Вольф, отмечая, что «оценочная перспектива определяется присутствием противительного союза, от которого зависит смена знака», подчеркивала, что это могут быть «союзы *а, но* и особенно *зато*» [6, с. 104–105]. Противительный союз *зато* (именно в 1-м значении) востребован аксиологической стилистикой еще и потому, что переключение оценки никогда не бывает бесстрастным, оторванным от эмоционально-чувственных состояний субъекта речи, переключение оценки обладает сильным эмоциональным «зарядом», побуждающим художника слова представлять этот аксиологический акт посредством особых стилистических приемов. В романах М.А. Шолохова «ТД» и «ПЦ» на основе противительного союза *зато* создано шесть разных стилистических приемов, отражающих преломление узуальной функционально-речевой нагрузки этого аксиологического маркера в речевом творчестве писателя. Перейдем далее к тщательному описанию каждого из этих приемов аксиологической стилистики.

Первый стилистический прием состоит в подведении субъективного или субъективно-ситуативного основания под употребление противительного союза *зато*, указывающего на переключение оценки от «—» к «+». Специфика этого приема обусловлена тем, что характер возмещения может оцениваться субъектом речи (у М.А. Шолохова — только персонажем) со своей точки зрения, отличающейся от ожидаемой социальной оценки признака или события. Ср., например, высказывание Макара Нагульнова: —...*Оно, конечно, может, и не такой уж сильный я оратор, но зато, брат, кулак у меня при случае на любую дискуссию гожий!* («ПЦ», кн. 2, гл. XII) [17, с. 438]. Безусловно, кулак — это вовсе не то, что может компенсировать нехватку ораторских навыков, но, с точки зрения вспыльчивого секретаря гремеченской партиячейки, недостаточность своего ораторского мастерства он с лихвой возместит физической силой (а ведь здесь идет речь о предстоящей Давыдову беседе с верующими, причем тот категорически отказывается от помощи Нагульнова!). Ср. в речи Устина Рыкалина: —...*Не везет мне нынешний день! Глядите, добрые люди, за одно утро и со старухами успел поругаться, и с бабами, и с председателем, и с Гордеичем — сивой бородой. Ведь это уметь надо!* <...> *Глядя на Давыдова озорными, бесстрашными глазами, он продолжал: — Зато на агитаторов нам нынешний день везет: и пеши к нам идут, и верхи едут...* («ПЦ», кн. 2, гл. XIII) [17, с. 453]. Казалось бы, нечто нежелательное, неправильное меняется на противоположное (ср. глагольный предикат с отрицанием до союза и его повтор без отрицания после союза: *не везет — везет*). Однако высказывание казака иронично: появление агитаторов в бригаде косарей вряд ли возместит отсутствие опыт-

ных работников. Этот контекст у М.А. Шолохова эвристически существен: он «снимает» ограничение на ироническое употребление противительного союза *зато*, якобы сопутствующее исключительно отрицательной оценке [1, с. 222]. Для аксиологической стилистики крайне важно, что в *зато*-высказываниях «компенсация отрицательного положительным существует именно в миропонимании говорящего, которое может совпадать или не совпадать с общепринятой языковой картиной мира, а также совпадать или не совпадать с реальностью» [2, с. 14].

В основу второго стилистического приема положена такая модификация отрицательного ограничения, при которой посредством противительного союза *зато* обозначается переход не от хорошего к плохому, а от плохого к худшему. Благодаря этому приему, спроецированному в одну аксиологическую плоскость — отрицательную, удается показать нисходящую градацию событий. В повествовательных фрагментах романа «ТД» этот прием использован при обращении к военной тематике. Например: *В конце 1917 года, когда казацкие части медленно стекались на Дон, случаи убийств и выдачи офицеров были редки, зато год спустя они стали явлением почти обычным* («ТД», кн. 3, ч. 6, гл. XII) [18, с. 757]. В подобном контексте противительный союз *зато* позволяет не только показать ухудшение ситуации, но и неявно выразить общее оценочное отношение к происходящему. Важно отметить, что в рамках этого приема аксиологический взгляд повествователя, представленный в самом типе употребления противительного союза *зато*, может быть изменен в посттексте за счет аксиологического предиката (не только сказуемого, но и определения и т.д.), отражающего точку зрения персонажей. Ср.: *Снаряд разметал упряжку лошадей, из шестерых — как выяснилось впоследствии — уцелела только одна, зато ездовому, сидевшему на ней, начисто срезало осколком голову*. И далее: *Такого удачного попадания не ожидали батареицы* («ТД», кн. 3, ч. 6, гл. XLI) [18, с. 887]. Как кажется, здесь отражены, с одной стороны, аксиологическая полисубъектность художественной речи, а с другой стороны, осознание того, что переключение оценки в положительную сторону становится у противительного союза *зато* все более независимым от семантики связанных им компонентов.

Третий стилистический прием основан на использовании разных оценочных моделей употребления противительного союза *зато* в одном и том же эпизоде: сначала обозначается переключение от «—» к «+», а затем — от «+» к «—». Этот прием использован в романе «ПЦ», когда рассказывается о том, как дед Щукарь купил у цыган надутую кобылу и как он возвращался в свой хутор с таким необычным приобретением. Ср. следующие два высказывания, размещенные дистантно: *В нем внезапно проснулись небывалая гордость и обычно всегда свойственное ему желание прихвастнуть, показать, что и он, Щукарь, теперь выбился из бедноты и едет хоть на плохой, но зато на собственной лошади* («ПЦ», кн. 1, гл. XXXI) [17, с. 210] и *Но его бедствиям еще не суждено было кончиться: кобыла на этот раз не упала, зато у нее оказался совершенно невероятный скак* («ПЦ», кн. 1, гл. XXXI) [17, с. 211]. Если в 1-м высказывании благодаря уступительно-противительным отношениям с переключением оценки в положительную сторону отображена радость и даже гордость небогатого казака, обзаведшегося собственной лошадей, то во 2-м — квазивозмещение, сопровождаемое отрицательно-оценочным сдвигом, укрепляет в мысли о неудачной покупке. Надо отметить, что размещение высказываний с разными оценочными моделями вовсе не случайно: оно позволяет в обрисовке этого эпизода вновь и вновь показать деда Щукаря как человека, пытающегося самоутвердиться, но неизменно попадающего под осмеяние. Представляется, что такой прием аксиологической стилистики наиболее востребован в организации юмористического повествования.

В дифференцированном повторе смыслового отношения возмещения, связанного с переключением оценки в положительную сторону, состоит четвертый стилистический прием. Он использован в речи персонажа с целью усиления субъективного довода, выдвинутого в качестве компенсирующего суждения. В романе «ТД» Христоня пускается в воспоминания о том, как в Петербурге кто-то из студентов попросил казаков, несущих караул, помянуть покойного отца и к десятке, выданной на водку, присовокупил портрет усопшего. Однако это оказался портрет Карла Маркса, и Христоне досталось за это от сотника. И далее — реакция одного из слушателей и ответ Христоня: — *А ты все мужиков хвалишь. Ишь как тебя подковали-то, — подсмеивался Иван Алексеевич. / — Зато десятку пропили. Хучь за Карлу за бородатого пили, а пили* («ТД», кн. 1, ч. 2, гл. IX) [18, с. 137]. Для акцентирования значения положительного предела наряду с противительным союзом *зато* употреблен свойственный верхнедонским говорам расчлененный уступительно-противительный союз *хучь...а*, обладающий оттенком положительного возмещения. Подобный прием связан с тем, что «отношения возмещения — уступительные по своей природе, так как основу их составляет... допущение не реализовавшего сво-

их отрицательных последствий признака» [8, с. 88]. В речи Христонии этот прием создает стилистико-синтаксическое обеспечение речевого акта самооправдания. Интересно, что в художественной речи встречается также недифференцированный повтор смыслового отношения возмещения, при котором происходит итерация противительного союза *зато*. Ср., например, во внутренней речи Глеба Нержина из романа А.И. Солженицына «В круге первом»: *Что ж останется на размышления? Что ж останется на познание жизни? Зато — шарашка. Зато не лагерь* [13, с. 60].

Пятый стилистический прием, характерный сугубо для диалога-перебранки, заключается в резком присоединении реплики, утверждающей признак, только что поставленный под отрицание оппонентом. Вводя такую реплику в «ткань» диалога, противительный союз *зато* не только обозначает положительное возмещение (с точки зрения субъекта речи), но и обеспечивает эмоциональный «перебив» общения, которое на этой реплике могло бы быть закончено. Подобному риторическому эффекту способствует то, что предикат с отрицанием из предыдущей реплики повторяется после союза *зато* без отрицания. Ср. из спора Ильиничны и Аксиньи: — *Что вы, бабушка! Окститесь! Кто ее сводил? Сама над собой учинила.* / — *А не через тебя?* / — *Ну, уж это я не знаю.* / — **Зато** я знаю! — *взволнованно выкрикнула Ильинична* («ТД», кн. 4, ч. 7, гл. XXI) [18, с. 1201–1202]; из разговора Давыдова и Нагульнова: — *Дрянь у тебя баба!* / — *Тебя это не касается...* — *ответил Нагульнов тихо, не глядя на Давыдова.* / — *Тебя зато касается!* («ПЦ», кн. 1, гл. XIII) [17, с. 91]. В примере из «ПЦ» *зато* занимает позицию частицы в восклицательном высказывании, выделяя препозитивный рематический компонент. Такое перемещение внешнего (т.е. стоящего между репликами) союза *зато* в позицию частицы объясняется спецификой самого приема: резкое присоединение реплики, ничем не отличающейся в синтаксическом и отчасти в лексико-грамматическом плане от предыдущей, побуждает союз брать на себя функцию рематизирующей частицы. Однако «различия *зато*-союза и *зато*-частицы чисто позиционные. Только же позиционные различия не могут служить основанием для квалификации языковых фактов как разных единиц языка» [4, с. 19].

В шестом стилистическом приеме отразилась способность противительного союза *зато* «нести с собой заметную эмоционально-экспрессивную окраску — радость, удовлетворение, приятное изумление» [2, с. 12]. В речи персонажей переключение оценки от «—» к «+» бывает связано с эмоционально-интонационным выделением, приводящим к паузе после противительного союза *зато*. Писатель обозначает эту паузу посредством пунктуационного знака «тире». Ср.: — *Ты хоть из уважения к моему партийному званию поддался бы! Что тебе стоило? Эх ты, медведь ленинградский! Никакой вежливости в тебе нет, никакого чинопочитания... Зато — улыбка-то! Улыбка до ушей и морда самодовольная, как у молодожена!* («ПЦ», кн. 2, гл. VIII) [17, с. 381–382]; *Тут Дубцов скосил глаза на Михеича, закончил: — Но ведь мы на счетоводов и писарей не учились, зато — все, что нацарапали, истинная правда* («ПЦ», кн. 2, гл. XIV) [17, с. 464]. В 1-м примере секретарь райкома Нестеренко, которому Давыдов не уступил в борьбе, паузой («тире») после союза *зато* отделяет прерванное предложение. В этой паузе запечатлен не только эмоциональный порыв, связанный с комплиментом победителю — положительным возмещением, но и сбитое дыхание побежденного. Во 2-м примере пауза после союза *зато* передает волнение простых колхозников, изъявивших желание вступить в партию и принеших свои заявления в гремяченскую партячейку. Этот прием показывает, что в изображении живой народной речи экспрессивному выделению как союза *зато*, так и вводимой им предикации способствует пауза (на письме — «тире»), приводящая к их отчленению друг от друга.

Целых шесть приемов аксиологической стилистики, созданных в романах «ТД» и «ПЦ» на основе более половины употреблений противительного союза *зато* в 1-м значении, свидетельствуют о том, что этот маркер переключения оценки находился в фокусе стилистического внимания М.А. Шолохова, участвуя в речевом воплощении тех или иных экспрессивных заданий. Эти приемы, безусловно, не исчерпывают стилистический потенциал союза *зато* как аксиологического маркера-переключателя. Так, в частности, идиостилю М.А. Шолохова не свойствен прием, состоящий в намеренной оценочной инверсии компонентов, связанных союзом *зато* как показателем сугубо положительного ограничения. Такой прием «рождает построения окказионально-оксюморонного типа — с их специально актуализированными значениями неприятия, неестественности, насмешки, иронии, сарказма» [4, с. 18]. Отсутствие этого стилистического приема у М.А. Шолохова объясняется прежде всего тем, что в то время, когда были написаны романы «ТД» и «ПЦ», 1-е значение противительного союза *зато* еще не было ограничено переключением оценки только в одну сторону — положительную. Тем не менее в идиостиле М.А. Шолохова приоритет отдан тем приемам аксиологической сти-

листки, в которых противительный союз *зато* переключает оценку от «—» к «+». Показательно, что у М.А. Шолохова такие приемы преобладают в диалогических репликах персонажей.

Таким образом, в романах М.А. Шолохова «ТД» и «ПЦ» обнаружена взаимосвязь между семантической структурой противительного союза *зато* и его участием в создании приемов аксиологической стилистики: только возместительное значение, предполагающее переключение оценки, способствует построению на основе союза *зато* шести стилистических приемов, воплощающих в художественной речи разные экспрессивные задания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 1999. 896 с.
2. Бакалова З.Н. Русский союз «зато»: семантическая и стилистическая специфика с антропологических позиций // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. 2009. № 4, с. 12–14.
3. Будагов Р.А. Борьба идей и направлений в языкознании нашего времени. М.: Наука, 1978. 248 с.
4. Ван Лиган Синтаксические построения со словом «зато» и вопрос о его значении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново: ИГУ, 1994. 20 с.
5. Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 240 с.
6. Вольф Е.М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо / плохо» // Вопросы языкознания. 1986. № 5, с. 98–106.
7. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. 278 с.
8. Ииханова Д.И. Противительные отношения на различных ярусах синтаксиса: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь: СГУ, 2007. 204 с.
9. Милованова М.С. Семантика противительности: Опыт структурно-семантического анализа. М.: ФЛИНТА; Наука, 2015. 348 с.
10. Ростов О.Р., Лобанова Т.А., Борисова Ю.А. Роль сочинительных конструкций с союзом «и» в раскрытии содержательно-художественного замысла: аксиологический аспект (по рассказу В.И. Даля «Кому жить веселее: пьяному аль трезвому?») // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 4, с. 175–179.
11. Сигал К.Я. Аксиология и синтаксис // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 4, с. 236–240.
12. Сигал К.Я. К семантико-стилистическим истокам противительного союза «зато» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5. Ч. 1, с. 144–146.
13. Солженицын А.И. Собрание сочинений в 9-ти томах. Т. 2. В круге первом: Роман. М.: ТЕРРА, 1999. 832 с.
14. Словарь современного русского литературного языка. Т. IV. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 1364 с.
15. Словарь структурных слов русского языка. Под ред. В.В. Морковкина. М.: Лазурь, 1997. 420 с.
16. Холодов Н.Н. За древними тайнами русского слова «и» — тайны иных масштабов. 2-е изд. Иваново: ИГУ, 2015. 136 с.
17. Шолохов М.А. Поднятая целина. М.: Эксмо, 2015. 640 с.
18. Шолохов М.А. Тихий Дон. М.: Эксмо, 2008. 1440 с.
19. Chung C., Pennebaker J. The psychological functions of function words // Social communication. Ed. by K. Fiedler. New York: Psychology Press, 2007. P. 343–359.
20. Ramat A.G., Mauri C. From cause to contrast: a study in semantic change // Studies on grammaticalization. Ed. by E. Verhoeven et al. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2008. P. 303–320.

Поступила в редакцию: 29.10.19

Сигал Кирилл Яковлевич,
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник, заведующий отделом экспериментальных исследований речи,
Институт языкознания Российской академии наук,
125009, Россия, Москва, Большой Кисловский пер., 1/1.
E-mail: kjseagal@yandex.ru

K.Ya. Seagal

RUSSIAN ADVERSATIVE CONJUNCTION «ZATO» (“BUT”) AND AXIOLOGICAL STYLISTICS (ON THE MATERIAL OF M.A. SHOLOKHOV’S NOVELS)

DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-2-213-222

The article focuses on the Russian adversative conjunction «zato» (“but”) as an axiological marker and its stylistically significant use in M.A. Sholokhov’s novels «And quiet flows the Don» and «Virgin soil upturned». The article also puts forward the concept of «axiological stylistics». It is noted that axiological stylistics describes the techniques which facilitate the participation of evaluation linguistic units in the expression of certain expressive intentions. It is shown that in M.A. Sholokhov’s novels «And quiet flows the Don» and «Virgin soil upturned» the adversative conjunction «zato» (“but”) is used as a polysemous function word, and the most productive semantics of compensation involves switching of evaluation both from «—» to «+» and from «+» to «—», although the first evaluation model prevails. Based on this semantics alone, the adversative conjunction «zato» (“but”) participates in the creation of six techniques of axiological stylistics.

Keywords: adversative conjunction, axiological stylistics, compensation, evaluation, individual style of M.A. Sholokhov.

REFERENCES

1. *Arutyunova N.D.* Yazyk i mir cheloveka. 2-e izd. [Language and the human world. 2nd ed.]. Moscow, Languages of Slavic culture, 1999. 896 p. (In Russian).
2. *Bakalova Z.N.* Russkiy soyuz «zato»: semanticheskaya i stilisticheskaya spetsifika s antropologicheskikh pozitsiy [Russian conjunction «zato» (“but”): the semantic and stylistic specificity from the anthropological positions]. Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Filologiya i iskusstvovedeniye [Bulletin of Vyatka State Humanities University. Philology and art history], 2009, no. 4, pp. 12–14. (In Russian).
3. *Budagov R.A.* Bor’ba idey i napravleniy v yazykoznanii nashego vremeni [The struggle of ideas and trends in linguistics of our days]. Moscow, Science, 1978. 248 p. (In Russian).
4. *Van Ligan* Sintaksicheskiye postroyeniya so slovom «zato» i vopros o ego znachenii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Syntactic constructions with the word «zato» (“but”) and the question of its meaning: PhD Thesis in Philology]. Ivanovo, Ivanovo State University, 1994. 20 p. (In Russian).
5. *Vinokur T.G.* Zakonomernosti stilisticheskogo ispol’zovaniya yazykovykh edinit. 2-e izd. [The regularities of stylistic use of language units. 2nd ed.]. Moscow, Book house «LIBROKOM», 2009. 240 p. (In Russian).
6. *Vol’f E.M.* Otsennochnoye znacheniyе i sootnosheniye priznakov «khorosho / plokho» [Evaluative meaning and the relation of semantic features «good / bad»]. Voprosy yazykoznaniiya [Questions of linguistics], 1986, no. 5, pp. 98–106. (In Russian).
7. *Vol’f E.M.* Funktsional’naya semantika otsenki [Functional semantics of evaluation]. Moscow, Book house «LIBROKOM», 2019. 278 p. (In Russian).
8. *Ishkhanova D.I.* Protivitel’nyye otnosheniya na razlichnykh yarusakh sintaksisa: dis. ... kand. filol. nauk [Adversative relations on the different levels of syntax: PhD Dissertation in Philology]. Stavropol’, Stavropol’ State University, 2007. 204 p. (In Russian).
9. *Milovanova M.S.* Semantika protivitel’nosti: Opyt strukturno-semanticheskogo analiza [The semantics of adversativity: The experience of structural-semantic analysis]. Moscow, FLINTA; Science, 2015. 348p. (In Russian).
10. *Rostov O.R., Lobanova T.A., Borisova Yu.A.* Rol’ sochinitel’nykh konstruksiy s soyuzom «i» v raskrytii sodержatel’no-khudozhestvennogo zamysla: aksiologicheskii aspekt (po rasskazu V.I. Dal’ya «Komu zhit’ veseleye: p’yanomu al’ trezvomu?») [The role of coordinating constructions with the conjunction «and» in the disclosure of content and artistic intention: axiological aspect (in the V.I. Dal’s story «Who lives more fun: drunk or sober?»)]. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kostroma State University], 2017, no. 4, pp. 175–179. (In Russian).
11. *Seagal K.Ya.* Aksiologiya i sintaksis [Axiology and syntax]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2019, no. 4, pp. 236–240. (In Russian).
12. *Seagal K.Ya.* K semantiko-stilisticheskim istokam protivitel’nogo soyuza «zato» [To the semantic-stylistic origins of the adversative conjunction “zato” (“but”)]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2017, no. 5 (1), pp. 144–146. (In Russian).
13. *Solzhenitsyn A.I.* Sobraniye sochineniy v 9-ti tomakh. T. 2. V krugе pervom: Roman [Collected works in 9 volumes. Vol. 2. In the first circle: a novel]. Moscow, TERRA, 1999. 832 p. (In Russian).
14. Slovar’ sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. T. IV. [Dictionary of modern Russian literary language. T. IV.]. Moscow; Leningrad, AS USSR Publishing house, 1955. 1364 p. (In Russian).

15. Slovar' strukturnykh slov russkogo yazyka. Pod red. V.V. Morkovkina [Dictionary of structural words of the Russian language. Ed. by V.V. Morkovkin]. Moscow, Lazur', 1997. 420 p. (In Russian).
16. *Kholodov N.N.* Za drevnimi taynami russkogo slova «i» — tayny inykh masshtabov. 2-e izd. [Behind ancient secrets of the Russian word «and» — secrets of other scales. 2nd ed.]. Ivanovo, Ivanovo State University, 2015. 136 p. (In Russian).
17. *Sholokhov M.A.* Podnyataya tselina [Virgin soil upturned]. Moscow, Eksmo, 2015. 640 p. (In Russian).
18. *Sholokhov M.A.* Tikhyy Don [And quiet flows the Don]. Moscow, Eksmo, 2008. 1440 p. (In Russian).
19. *Chung C., Pennebaker J.* The psychological functions of function words // Social communication. Ed. by K. Fiedler. New York, Psychology Press, 2007, pp. 343–359. (In English).
20. *Ramat A.G., Mauri C.* From cause to contrast: a study in semantic change // Studies on grammaticalization. Ed. by E. Verhoeven et al. Berlin; New York, Mouton de Gruyter, 2008, pp. 303–320. (In English).

Received: 29.10.2019

Seagal Kirill Yakovlevich,
Doctor of Philology,
Chief researcher, Head of Department of Experimental Speech Researches,
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Bolshoi Kislovsky lane, 1/1, Moscow, Russia, 125009.
E-mail: kjseagal@yandex.ru